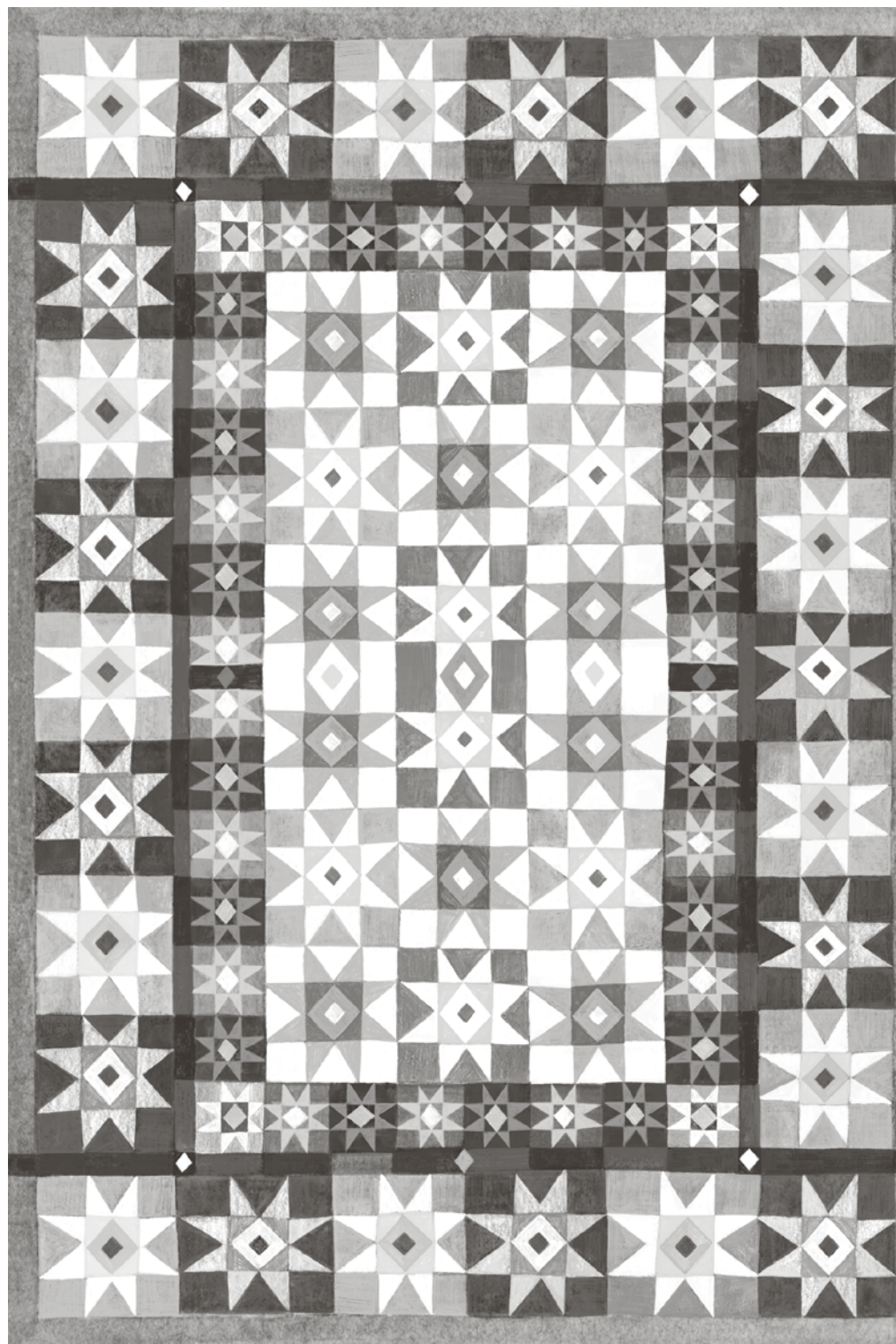
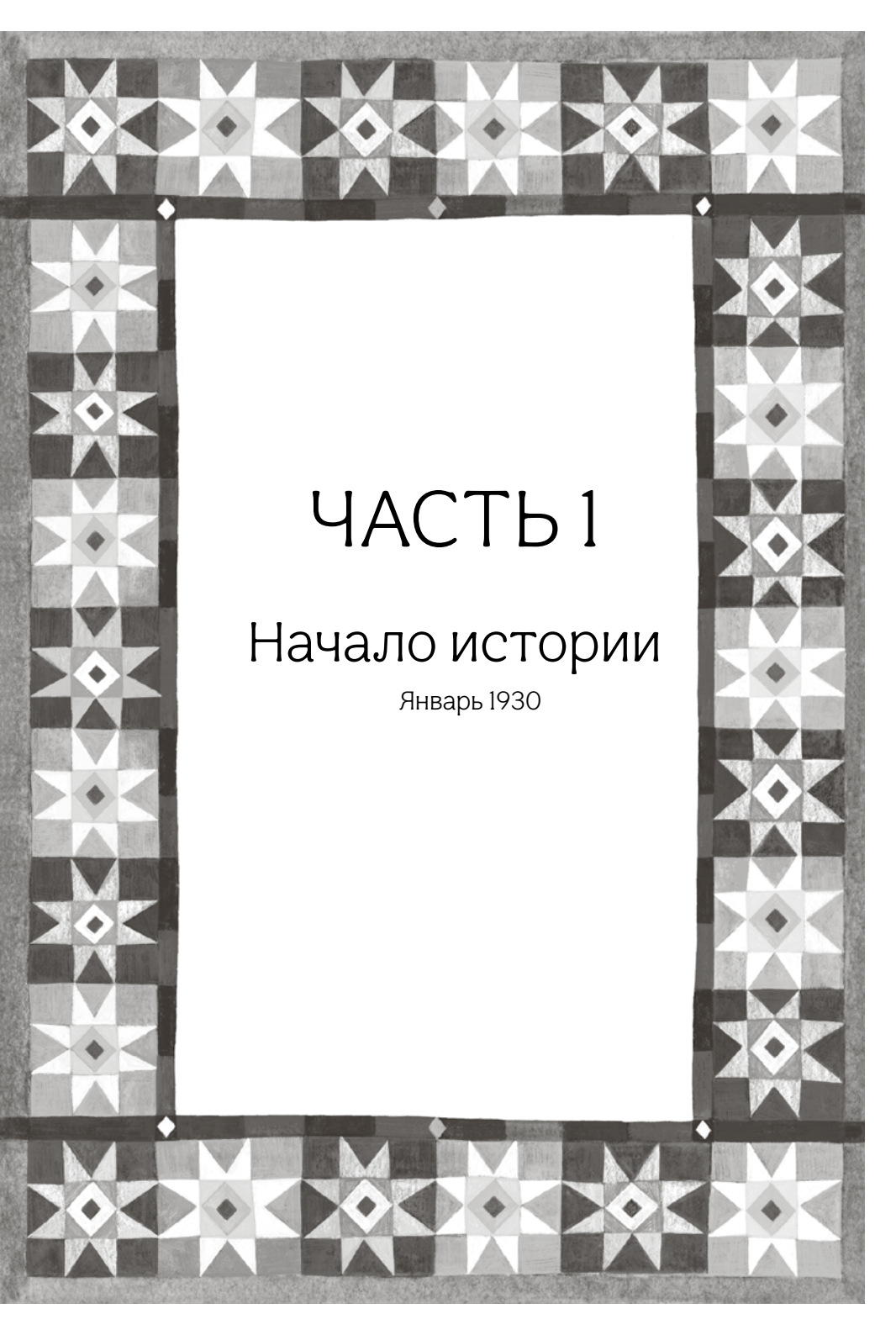

ЧАСТЬ 1

Начало истории

Январь 1930

1

Вы пока не очень хорошо знакомы со мной и не знаете, что я очень тихая. Это моя особенность, как и большие ноги, и непослушные кудряшки, которые мелькают на ветру, словно рубиновые молнии, когда я мчусь вдоль берега Атлантического океана. А еще я могу сказать, о чем думает мой старый пес Броди-Медведь, просто заглянув ему в глаза.

Моей старшей сестре Бронте девятнадцать, и она очень шумная. Она, в отличие от меня, не слышит, как звезды поют друг другу в ночной тишине и как волны зовут морских котиков на рассвете. Бронте слишком занята беседами. Вот почему она не знает, что нынешним утром моя любимая серебристая чайка хочет посостязаться со мной — кто быстрее доберется до самого дальнего конца пляжа. Возможно, Броди-Медведь тоже захочет пробежаться.

Наверняка захочет. А вы бы не захотели?

А еще у Бронте есть неоспоримое достоинство — она считает, что люди необязательно должны быть одинаковыми: «Мы как кусочки пазла, которые подходят друг к другу именно потому, что все разные».

Когда моя старшая сестра ходила в маленькую однокомнатную школу*, где сейчас учусь я, она получила приз как лучший оратор. Если найдется хоть малейший повод для дискуссии, она переубедит кого угодно и даже несговорчивые старые рыбаки изменят свое мнение быстрее, чем закинут удочку. «Мальчики И ДЕВОЧКИ должны посещать университет, перед тем как принимать важные жизненные решения», — с такой пламенной речью она выступила на пристани, выбрав именно это место для упражнений в красноречии.

Кто-то запустил в нее рыбой, но Бронте даже не запнулась. Она всегда была сильной. Я очень ею горжусь.

В школе мне приходится нелегко, потому что моя учительница, мисс Уизерспун, не согласна с тем, что молчание — золото. По ее мнению, застенчивость мне не на пользу, а слишком богатое воображение мешает учебе, поэтому я не должна вынимать из ранца мой «Дневник вдохновения». Мама подарила мне его перед отъездом, чтобы

* С конца XVIII века и по сей день в маленьких городах, селах и отдаленных районах по всему миру существуют однокомнатные школы, в которых один учитель преподает сразу нескольким младшим классам. (Здесь и далее прим. перев.)

я записывала все, что вижу. Я так и делаю — даже сломала перо у одной ручки и уже исписала половину страниц.

— Тебе нужно проводить больше времени с другими учениками, а не сидеть с этой тетрадкой, — говорит учительница, обнаружив меня на утесе во время перемены, и ее губы вытягиваются в ниточку, тонкую и прямую. — Бери пример с Мэгги Болдуин и постарайся быть более общительной.

Я бы хотела ответить ей: «У меня никогда не было настоящих друзей, и я не знаю, как их завести, но, даже выпади такая возможность, Мэгги — последний человек, которого бы я выбрала».

Мисс Уизерспун считает, что я несуразная и что способностей у меня не больше, чем у песчаной блохи. Конечно, она никогда не произнесет этого вслух, но все читается по ее взгляду.

Еще одна из самых раздражающих особенностей взрослых. Им кажется, что мы понятия не имеем, о чем они думают, но на самом деле мы все знаем.

Всего несколько минут в ее маленьком классе, где дети разных возрастов прижаты друг к другу, как сельди в бочке, — и у меня пересыхает в горле, а руки прямо тянутся записать что-нибудь в «Дневник». Именно в такие моменты у меня рождаются лучшие идеи.

Урок подходит к концу, и, как только мисс Уизерспун звонит в звонок, я выскакиваю за дверь и сбегая по ступенькам. Бегаю я очень хорошо,

словно быстрая аппалуза*, перелетаю через дюны на пути к нашему дому, который уже маячит вдалеке, высоко на скалах. Мои любимые сапоги для сбора моллюсков радостно шлеп-шлеп-шлепают по кромке воды — настолько они счастливы умчаться от мисс Уизерспун.

Каждый день я выбираю новую дорогу, потому что менять привычное — здорово. Я стараюсь запомнить все, что вижу, чтобы потом описать это в своем «Дневнике»: первую снежинку, упавшую мне на нос; промерзший песок, хрустящий у меня под ногами, будто ломкий соленый крекер; серебрястую чайку, которая снова пытается меня обогнать.

Мне нравится чувствовать тепло красной шерстяной шапки, которую мама связала для меня, когда еще жила с нами, и я посильнее натягиваю ее на уши.

Уши торчат — еще одна моя отличительная черта.

Мне одиннадцать лет.

И у меня миллион веснушек.

* Аппалузы — порода лошадей. Грациозные, быстрые и выносливые, аппалузы отличаются чубарой мастью — пятнистым окрасом.

2

На полпути меня встречает Броди-Медведь. Мой пес бросается вперед, подпрыгивая и виляя хвостом с таким усердием, что едва не запутывается в собственных лапах.

Я долго обнимаю его, прижавшись лицом к его морде, и в этот момент, когда наши сердца бьются рядом, он тихонько скулит, как будто хочет сказать, что очень сочувствует мне из-за моего *школьного невезения*. На случай, если вы не знали, *школьное невезение* — это такая штука, которая приключается почти каждый день, но с Броди-Медведем мне всегда становится легче. Мы вместе мчимся к нашему дому, который стоит высоко на скалах, и взлетаем на крыльцо по скрипучим ступенькам. Дверь, выкрашенная в цвет желтого подсолнуха, приветливо шепчет, что рада нас видеть.

Мой дом куда лучше, чем вы можете себе представить: днем сквозь огромные окна проникает

столько света, что комнаты наполнены солнечными лучами, а ночью все вокруг утопает в лунном сиянии.

В моем доме есть волшебство — и это не просто так. Его строил мой дедушка, а начинал строить еще дедушкин отец, и, поскольку оба они были рыбаками из Старого Света, которые больше разбирались в лодках, чем в домах, каждая доска щедро просмолена, а наша острая двускатная крыша стремительно тянется к небу, как корабельная мачта.

Во время работы они использовали всякие причудливые инструменты, некоторые из них зовут конопатными — вы о таких, наверно, никогда и не слышали: крепежные нагели и деревянные молотки-мушкели. И пусть фундамент у дома чуть кренится, словно его потрепало сильным штормом, но нас невозможно потопить.

Наш дом надежен.

Он крепко врос в скалу.

Я люблю в нем все: серебристо-седые доски его обшивки, словно заглаженные и просоленные морем, его чудные надстройки, появившиеся потому, что мои дедушки постоянно что-то добавляли. Из-за этого у нас и есть теперь две винтовые лестницы. Одна из них, внутренняя, ведет в мансарду, где стоит моя узкая кровать, накрытая лоскутным одеялом со звездами: его мама сшила специально для меня перед тем, как уехала в «Зимние сосны». Проще говоря, моя комната — лучшее место в доме.

Вторая лестница находится снаружи, и по ней можно забраться на ту часть крыши, которую занимает верхняя большая терраса. Если подняться туда в ясный день, когда солнце норовит посоревноваться со мной — кто шире улыбнется, перед вами откроется простор и вы увидите, как вдалеке океан соприкасается с небом.

Но вернемся в дом. Здесь есть еще длинная лестница с перилами, по которым очень весело съезжать вниз (главное — не налететь на гвозды!), и стенные шкафы, где на дальних полках хранятся свернутые в трубочку морские карты, судовые часы, компасы и маленькие глиняные горшочки со смолой для заделывания щелей.

Ночью, когда волны с шумом бьются о берег, когда ветер срывает с петель ставни, когда соленые брызги просачиваются сквозь оконные сетки, а бельевая веревка вращается, словно чертово колесо, — наше судно остается крепким и безопасным.

Это чудесное чувство — что твой дом защитит тебя от любых невзгод и любого шторма.

Разве кому-то захочется покинуть такое место?

3

Бронте уже замешивает тесто, чтобы приготовить медовый пирог — наше любимое средство от переживаний.

Моя старшая сестра знает, что после очередного тяжелого дня в классе мисс Уизерспун мне нужно немного взбодриться.

— Расскажи-ка, — предлагает Бронте, разогревая на плите чашку меда.

Каждое ее действие продиктовано сложным семейным рецептом, который передавался из поколения в поколение, потому что ничто не облегчает душевную боль лучше медового пирога.

Я качаю головой. Мне не хочется говорить.

Бронте учится в университете. Она хочет стать учительницей, и я думаю, она просто создана для этой работы. В отличие от мисс Уизерспун, моя старшая сестра не считает, что каждого молчаливого ребенка необходимо превратить в болтливую сороку.

У нас обеих волосы цвета осени — насыщенно-медные, темно-каштановые, с багряным отливом и несколькими золотистыми прядями. Когда мы рядом, наши кудряшки так и тянутся друг к другу.

Мою маму звали Лаванда. Она хотела, чтобы у ее дочерей были сильные имена: такие, что помогут пережить даже самую жестокую бурю. Поэтому она назвала меня Харрикейн — «ураган», а мою старшую сестру — Бронте, что по-древнегречески означает «гром». Пусть даже вам покажется это глупым, но поверьте: дополнительная защита не бывает лишней. Любой, кто потерял свою маму так же, как мы, прекрасно знает, что все может пойти под откос в любой момент, стоит только на секунду отвернуться.

Я стягиваю сапоги и оказываюсь в объятиях нашего дома. Здесь, в нашей уютной кухне с длинным деревянным столом, вечно присыпанным мукой, кто угодно почувствует себя лучше.

Бронте ставит передо мной кружку с дымящимся какао, и, пока она взбивает полдюжины яиц, я достаю из ранца свой «Дневник».

Дорогая мама.

Так я начинаю каждую новую запись, и мне не терпится продолжить.

Я дую на какао, вдыхая аромат шоколада, который добавляет Бронте.

Прямо напротив меня черная кухонная плита внушительных размеров. Она уже набита дровами

гикори, которые горят жарче и дольше других, а потому лучше всего подходят, чтобы печь. Рядом с плитой деревянная сушилка для кухонных полотенец, а у дальней стены — холодильный шкаф*, который работники компании «Милый Пруд» еженедельно наполняют льдом.

Немного левее — узкий шкафчик для гладильной доски, куда я, маленькая и худая как спичка, спокойно помещаюсь. Оба наших утюга по стойке смирно стоят у задней стенки плиты, явно недовольные исходящим от нее жаром. Бронте убеждена, что дни чугунных утюгов сочтены, ведь совсем скоро в каждом доме появится электричество.

— Не сегодня завтра, — говорит она, добавляя в тесто корицу. — У Болдуинов уже прокладывают провода.

Она считает, что нам нужен один из этих новомодных холодильников и тостер в придачу. Наша тетя Клэр уже давно приобрела пылесос, так что ей больше не нужно подметать. К тому же в ее роскошном городском доме есть настоящие ваннные комнаты и электрическое освещение.

— Мне и так все нравится, — шепчу я, глядя в окно на нашу маленькую убогую с вырезанным на двери полумесяцем.

Тот, кто потерял свою маму, больше не захочет никаких перемен.

* Холодильный шкаф, или кухонный лёдник, — деревянный шкаф с отделением для льда и теплоизоляции, предшественник привычных нам электрических холодильников.

Мой пес лежит под столом, и я могу потереться ногами о его спину. Броди-Медведь — ирландский сеттер, на носу у него уже проступила седина, но шерсть на спине все еще рыжая, как мои волосы, и очень-очень мягкая.

Бронте всегда говорит: если выдался тяжелый день — надо подумать о чем-нибудь приятном.

Я поднимаю глаза от «Дневника» и пытаюсь сосредоточиться, но в голову не приходит ни единой хорошей мысли. Все, что я вижу, — неодобрительный взгляд учительницы.

— Хочешь, я поговорю с мисс Уизерспун? — спрашивает Бронте, заметив выражение моего лица.

Я медленно киваю.

Еще одно неоспоримое достоинство Бронте заключается в том, что, когда я не могу выдать ни единого слова, она говорит вместо меня.

4

Ранним субботним утром я вылезаю из теплой постели, натягиваю свои любимые сапоги и туго за-
тягиваю завязки. Сапоги жалобно скрипят — ведь
еще так рано, солнце едва взошло.

— А ну-ка потише! — строго говорю я.

Впереди выходные, так что я не увижу мисс Уи-
зерспун еще целых два дня. Эта радостная мысль
так и подталкивает меня поскорее выбраться
на пляж, а Броди-Медведя не надо уговаривать.

Мой ранец, где лежит «Дневник вдохновения»,
ждет меня на специальном крючке у лестницы.
Я подхватываю его и сбегая вниз, перепрыгивая
через две ступеньки разом, и ранец с каждым
прыжком бьет меня по ноге. И вот уже я распахиваю
дверь и оказываюсь на улице.

Такие собаки, как Броди-Медведь, просто обо-
жают гоняться за крабами-скрипачами. Мой пес
особенно прыткий, и, когда он носится по песку,

его длинные уши то подлетают, то шлепают его по голове. Мне очень нравятся его большие уши — в некотором роде это добавляет нам сходства.

Бегать по прибрежной траве далеко не так просто, как по лугу. Вам понадобятся ботинки на толстой подошве, потому что пучки жестких травинок торчат, как заостренные доски садового забора. Мои сапоги идеально подходят для этого, и, как только они свыкаются с мыслью о пробежке, мы начинаем набирать скорость.

Броди-Медведю не мешает колючая трава. Его лапы сами прекрасно выбирают, какой дорожкой бежать.

Добравшись до нашего любимого места на краю самого высокого утеса, мы садимся, прижавшись друг к другу, и наблюдаем, как солнце поднимается над водой. Броди-Медведь замер, и только его шерсть чуть шевелится от ветра. Высокая трава стелется по земле, как одеяло. Я глубоко вдыхаю, наслаждаясь умиротворением, которое исходит от океана.

Здесь я забываю, как бешено колотится мое сердце, когда мисс Уизерспун заставляет меня выйти к доске и составить схему предложения. Для меня это тайна, которую я не могу разгадать.

Здесь мое сердце бьется спокойно, и Броди-Медведь придвигается ближе, чтобы прижаться мордой к моему лицу.

Здесь наше дыхание звучит в такт с прибором.

Если бы при появлении мисс Уизерспун слова не застревали у меня в горле, я бы сказала ей, что, когда она пытается превратить меня в болтушку, я перестаю разбирать голос окружающего мира.

Его нужно слушать всем сердцем, и в душе должен быть покой.

Броди-Медведь поднимает морду, и за долю секунды его нюх преодолевает огромные расстояния.

Издаലെка надвигается шторм. Мы слышим его в шуме волн.

Я достаю ручку и начинаю писать.

5

Пока мы идем в «Галантерею Шарпа» за новым комбинезоном, я слегка подталкиваю сестру локтем, чтобы она не забывала говорить за меня.

Иногда она недопонимает, что я хочу сказать, и тогда я покашливаю — знак для нее, чтобы вернуть разговор в нужное русло.

Случалось, что Бронте не реагировала на мои знаки и все только ухудшалось. Например, на похоронах нашей мамы я толкнула сестру ногой, но это лишь вывело ее из себя.

Перед входом в магазин я объясняю Броди-Медведю, что он останется ждать снаружи, и его глаза затуманивает собачья печаль.

По выходным мы все делаем вместе, значит, с вечера пятницы и до утра понедельника наше время — время Броди-Медведя и Харрикейн. Поэтому, когда не стало мамы, мы перестали ходить в церковь. Бронте говорит, что на это есть и другие

причины, и я согласилась, но вообще-то мне совершенно очевидно: главное тут — моя собака.

— Здравствуйте, девочки. — Мать Мэгги Болдуин глядит на нас из-за кассового аппарата, и в ее холодном голосе нет и намека на радушие. Воззрилась на мои закатанные на рыбацкий манер штаны. — Как вы там живете в этом старом доме совсем одни?

Вот еще одна раздражающая черта взрослых. Заставляют говорить о вещах, которые ты вовсе не хочешь обсуждать, да еще тогда, когда тебе вообще не хочется ни с кем разговаривать. Как будто проверяют, умеешь ли ты вести себя на людях. У миссис Болдуин это выходит особенно ловко. Она выжидающе смотрит, приподняв бровь.

— Нам нужен новый комбинезон, — вступает в разговор Бронте.

«Идеально, — думаю я. — Коротко и по делу. Именно так я бы и сказала».

Миссис Болдуин прищуривается и отходит к задней стене, где по соседству с удочками, катушками и разноцветными приманками для полосатого окуня висят зацепленные за шлевки рабочие штаны и комбинезоны. Выбирает тот, что явно мне велик, и протягивает моей сестре.

Я снова подталкиваю Бронте локтем. У нее на лбу выступает испарина. Она откашливается, но ее голос все равно звучит хрипло:

— Нам нужен маленький комбинезон для Харрикейн.

Не скрывая раздражения, миссис Болдуин забирает комбинезон из рук Бронте и вешает обратно на крючок. От нас одни хлопоты, и она хочет, чтобы мы об этом знали. Затем она все-таки кладет на прилавок комбинезон нужного размера.

— Я вообще не думаю, что стоит вам его продавать. Это одежда для мальчиков, а не для девочек.

У Бронте белеют костяшки пальцев. Мое лицо вспыхивает.

Я прочищаю горло. Моя сестра — самая искусная спорщица на много миль вокруг и без труда докажет кому угодно, что, вопреки расхожему мнению, которого придерживается и мисс Уизерспун, мальчики не всегда и не во всем лучше девочек. Но сейчас она молча потирает висок, как будто у нее очень сильно болит голова.

Я слегка пихаю ее, потому что точно знаю, как надо ответить миссис Болдуин. «Не ваше дело». Или что-то в этом роде. Но вместо того, чтобы заговорить, Бронте смотрит в пол и на мгновение прислоняется к стене, как будто ей дурно. Покопавшись в сумке, она протягивает мне кошелек с деньгами.

Похоже, миссис Болдуин ничего не замечает. Завернув покупку, она нажимает несколько клавиш на аппарате, и раздается звон открывшейся кассы.

— Что бы сказала ваша мама, если бы увидела, как ты одеваешься?

Я бросаю на Бронте очередной выразительный взгляд, но она выбегает на улицу, и мне приходится самой рыться в кошельке, чтобы заплатить.

— Если тебе нужно платье, я найду что-нибудь подходящее в коробке со старыми вещами Мэгги.

У меня горят уши. Я сжимаю кулаки, потом хватаю пакет и выбегаю на крыльцо, где меня ждет Бронте.

— Ты не сказала ей то, что я хотела!

Моя сестра сидит на скамейке, подперев голову руками.

— Я очень устала, Харрикейн. Мне нужно отдохнуть.

Когда мы бежим домой по дюнам, нам с Броди-Медведем то и дело приходится останавливаться, чтобы Бронте нас нагнала. И пока мы ждем, мой пес поднимает морду и смотрит на меня глазами, полными сочувствия, переживая, что у нас столько проблем.

6

Шторм начинается к ночи, когда я уже лежу в постели.

Бронте на цыпочках поднимается по винтовой лестнице, освещая путь керосиновой лампой, и забирается под мое одеяло со звездами.

— Я не всегда могу говорить за тебя, — шепчет она, придвигаясь ближе и обнимая меня за плечи, пока за окном бушует ветер.

— Знаю. — В моем голосе все еще звучат нотки обиды.

— Тебе просто нужно потренироваться. Мне тоже не всегда удавалось постоять за себя, но однажды я набралась смелости и сказала, что думаю, пусть и не слишком уверенно. На следующий день вышло уже немножко лучше, и постепенно все получилось.

Я не могу даже вообразить, что когда-нибудь скажу мисс Уизерспун, какие чувства испытываю.

Когда она заставляет меня встать из-за парты, чтобы отрабатывать произношение перед всем классом, мои ноги превращаются в желе. «Нет, нет, нет! — восклицает учительница. — Ты выговариваешь слова так, будто растешь на диком берегу. *Ко-фе*, а не *ко-фей*. *Но-мер*, а не *ну-мер*. *Ночь*, а не *нощь*. — Она поправляет очки. — Если бы ты наконец отвлеклась от этой тетрадки и уделила внимание учебе, то уже давно улучшила бы свою речь».

В такие моменты у меня сжимается сердце, а в горле встает ком. Из-за мисс Уизерспун мне кажется плохим все то, что всегда нравилось в себе.

Бронте обнимает меня еще крепче:

— Говорить бывает трудно, но промолчать иногда еще трудней. Понимаешь, о чем я?

Я пожимаю плечами. Наши окна дребезжат от резких порывов ветра, где-то внизу волны с рокотом обрушиваются на берег.

— Почитай мне сказку, — шепчу я из-под одеяла.

— Какую?

— Ну ты знаешь, из нашей книги.

— Разве ты еще не выучила ее наизусть? —

Бронте переливчато смеется.

Я качаю головой.

Моя старшая сестра подкручивает поярче керосиновую лампу, и я прижимаюсь щекой к ее теплему плечу. Броди-Медведь протискивается между нами, шерсть у него точно такая же рыжая, как наши кудряшки. Многие собаки стесняются

смотреть в глаза, но Броди-Медведь — пес не робкого десятка. Он хочет, чтобы я видела, насколько сильна его любовь.

Бронте прижимает к груди нашу любимую книгу. В семье Макадамсов ее передают со времен нашего прадедушки, и на страницах с золотым обрезом оживают невероятные истории об отважных детях, которые сражаются с великанами, перепрыгивают через горы и побеждают драконов. Нужная страница открывается сразу.

— Давным-давно, — начинает Бронте, — жила на свете девочка, которая была очень храброй, хотя сама еще об этом не знала.

— М-м-м, все верно, — шепчу я, прислушиваясь к реву волн.

Каждую ночь я выплескиваю все свои школьные неудачи в океан, и он неизменно принимает их без единой жалобы.

Вот и сейчас я избавляюсь от плохих воспоминаний. Броди-Медведь вздыхает — так громко, будто его сердце вот-вот разорвется, а мое любимое кресло-качалка начинает раскачиваться в нетерпеливом ожидании, когда же Бронте наконец дойдет до главного момента, — вот насколько хороша эта сказка. Моя кровать хочет, чтобы я еще глубже зарылась под одеяло, и я следую ее зову.

А затем в комнате раздаются тихие звуки, которые сливаются с шумом волн, бьющихся о камни: моя сестра начинает кашлять.

7

Впервые я разозлилась на свою старшую сестру, когда мама еще была с нами и Бронте сказала, что не любит пускать блинчики по воде.

Я давно научилась находить идеальные камешки — тонкие, плоские и гладкие — и ловко бросать их одним движением запястья, чтобы они прыгали по спокойной поверхности воды, как кролики.

На самом деле пускать блинчики — это настоящее искусство, и Броди-Медведь всегда улыбается, когда у меня получается. А еще он помогает искать подходящие камни.

В тот день после первой же неудачной попытки Бронте подобрала свои туфли и побежала домой.

— Ты не можешь так просто сдаться! — завопила я, кинувшись за ней по мокрому песку. Когда еще играть в блинчики, если не в такой штиль? — Ты должна верить, что сумеешь. В этом все дело.

На мгновение Бронте замерла от удивления, что я кричу, и так громко. И что я так злюсь.

— Я не хочу, Харрикейн.

— Но это же *весело*. — Мой голос дрожал совсем по-детски, и я попыталась взять себя в руки. — Я хочу, чтобы нам с тобой нравилось одно и то же!

— А мне *НЕ НРАВИТСЯ!* — крикнула она через плечо, убегая к дому по скальной тропе, только рубиновая молния волос взметнулась.

Я посмотрела на Броди-Медведя, и в его взгляде отразилось все: мне досталась самая вредная сестра в истории человечества.

После этого я запустила тысячу блинчиков, а мой пес носился по песку, радуясь тому, как стремительно улучшается мое умение.

8

Когда я следующий раз вышла из себя, наша мама уже редко вставала с постели.

Она дрожала, и мы постоянно носили ей горячий чай. Но чай не помогал, поэтому сперва я притащила свое лоскутное одеяло, а сверху накрыла и одеялом Бронте — мама сшила такое же, со звездами, и для нее.

— Мне гораздо больше нравится, когда я болею, а ты обо мне заботаешься, — прошептала я.

Вернувшись на кухню, я заметила, что Бронте избегает моего взгляда, и тогда мне стало понятно: что-то не так. Обычно моя сестра честна: в университете ее учат, что детям нужно говорить правду.

Тот день и без того не задался с самого утра. Мэгги Болдуин приказала одной из своих подруг опрокинуть мою чернильницу, но, поскольку мисс Уизерспун считает, что у них безупречные

манеры (и *великолепное произношение*), мне пришлось остаться в классе на перемене и оттирать пол. Чернила, как вы, наверно, себе представляете, почти не отмываются от досок, и к началу следующего урока я до того доскоблила пол, что он начал мстить и подсовывать гвозди, чтобы я за них цеплялась.

Затем мисс Уизерспун раздала по печенье каждому ученику, который вызвался продеklamировать Геттисбергское послание Авраама Линкольна*. Я бы тоже не отказалась от печенья, хотя овсяное с изюмом не из моих любимых.

Наша школа устроена так, что учитель каждый год один и тот же. Из этого правила есть только два исключения: мы получим замену, если преподаватель решит, что мы не стоим его труда, и переедет куда-нибудь еще или если вступит в брак. В случае с мисс Уизерспун нам не светит ни первый, ни второй вариант — по крайней мере в обозримом будущем.

В общем, как вы уже понимаете, у меня выдался очень плохой день. Броди-Медведь приподнялся с пола и склонил голову в сторону Бронте. Он тоже почувствовал что-то подозрительное, но моя сестра даже не взглянула на него. Вместо этого она отрезала мне кусочек медового пирога. Если готовить по правильному рецепту — теста хватит

* Геттисбергское послание президента Авраама Линкольна — одна из самых известных речей в истории США, была произнесена 19 ноября 1863 г.

на двенадцать тонких коржей, но в этот раз их было всего восемь.

— В чем дело? — спросила я звенящим от напряжения голосом. Очень хотелось разрыдаться, но я сдерживалась изо всех сил.

Бронте подняла голову, и в ее глазах я прочла все, что нужно было знать.

— Доктор сказал, что маме следует поехать в «Зимние сосны».

Я уронила вилку со сливочной глазурью, и Броди-Медведь мгновенно слизал все подчистую. Уж он-то никогда не упустит удачной возможности.

«Зимние сосны» — горный санаторий для больных туберкулезом, или, как говорят некоторые местные, чахоткой. Добираются туда на поезде.

— Но нам не нужно отправлять маму в санаторий. Мы и сами можем о ней позаботиться.

— Харрикейн, ей становится хуже.

Я и так это знала. Я видела, что у нее под глазами появились темные круги, щеки впали, а кожа истончилась, как бумага.

— Она хочет поехать.

Я не стала дальше разговаривать с Бронте, даже не смотрела больше на нее. Мое сердце требовало, чтобы я взбежала по винтовой лестнице и сказала маме, что позабочусь о ней куда лучше, чем кто-нибудь еще, но ноги не желали подчиняться.

Когда подруга нашей семьи миссис Блэкмор приехала, чтобы довезти ее до маленькой станции

и посадить на поезд, я чуть не отказалась обнять маму на прощание.

— Это ты во всем виновата, — сказала я Бронте, удивляясь силе своего голоса. — Ты должна была ее отговорить.

Потом я захлопнула нашу желтую дверь прямо перед носом у Броди-Медведя и побежала вдоль берега. Я все бежала и бежала, пока ноги не подкосились от усталости.

С тех пор «Дневник вдохновения», подаренный мамой, стал моим спасательным кругом.

Первые десять страниц я исписала тем же вечером, еще до того, как на небе зажглись звезды.

9

В следующий раз я разозлилась на сестру, когда застала ее склонившейся над письмом, в котором она рассказывала о нашей жизни тете Клэр. Вообще-то Клэр — наша двоюродная бабушка, но мы привыкли называть ее тетей.

При осмотре моей сестры доктор Блэтчфорд различил в ее дыхании скрежещающий туберкулезный звук, совсем как у нашей мамы.

— Хорошо, что вы сразу обратились ко мне, — сказал он. — Я договарюсь, чтобы вам выделили место в «Зимних соснах».

Затем настала моя очередь: доктор проверил мне пульс, постучал по груди и по спине, велел несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, послушал. Я хотела, чтобы он перестал, но из-за головокружения не могла выдать ни слова.

— Насколько могу судить, ты совершенно здорова. — Он убрал стетоскоп. — И все-таки по-

больше гуляй и ешь как следует. Это творит чудеса.

Я бегу на кухню, чтобы скорее увидеть старшую сестру.

— Ты же знаешь, что никто не сумеет позаботиться о тебе лучше меня! Или ты забыла, чему нас учила мама? Семья всегда должна держаться вместе! Неразлучно!

Бронте смотрит на меня, и ее глаза наполняются слезами. Она слабо качает головой.

— Я просто хотела закончить университет. Думаю, из меня бы вышла отличная учительница.

С этими словами сестра возвращается к письму тете Клэр, где сообщает ей, что больна, а я здорова.

— Но она мне даже не нравится! — кричу я срывающимся голосом, и с не привычки у меня начинает саднить горло.

Я спрыгиваю со ступенек крыльца, Броди-Медведь следует за мной по пятам. Мы несемся к пляжу, навстречу волнам, которые обрушиваются на берег с грохотом пушечной канонады.